

Лариса Пискунова, Игорь Янков Авангард на Урале:

ИДЕЯ И ПАМЯТНИК

Larisa Piskunova, Igor Yankov
Avant-Garde on Ural: Idea and Landmark

Лариса Пискунова (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; доцент Уральского гуманитарного института; кандидат философских наук) lppiskunova@gmail.com.

Игорь Янков (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; старший научный сотрудник Уральского гуманитарного института; кандидат философских наук) iyankov@yandex.ru.

Ключевые слова: архитектура авангарда, конструктивизм, памятник архитектуры, конструктивистская архитектура Екатеринбурга, конструктивистская архитектура Свердловска, травматический опыт, исторический опыт, *Городок чекистов*

УДК: 72+94 (47)
DOI: 10.53953/08696365_2022_173_1_92

В статье исследуется специфика конструктивистской архитектуры Екатеринбурга/Свердловска как элемента авангардного наследия. Анализируется отношение городской среды с практиками авангарда, выявляется своеобразная эманация авангардной идеи на Урале вследствие несовпадения его базовых принципов и их реального воплощения. Авторы делают вывод, что превращение конструктивистского наследия в памятник авангарду оказывается ретроспективным и внутренне сложным процессом в силу противоречия между идеологией авангарда, устремленной вперед, и феноменом памятника, по своей сути ретроспективного и избирательного. Архитектура авангарда вписана в исторический опыт, соединяющий в себе и творческие поиски мастеров, и практики ее освоения горожанами, и феномен сопутствующего насилия.

Larisa Piskunova (PhD; Associate Professor, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University) lppiskunova@gmail.com.

Igor Yankov (PhD; Senior Researcher, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University) iyankov@yandex.ru.

Key words: avant-garde architecture, constructivism, landmark, constructivist architecture of Ekaterinburg, constructivist architecture of Sverdlovsk, traumatic experience, historical experience, *Gorodok chekistov*

UDC: 72+94 (47)
DOI: 10.53953/08696365_2022_173_1_92

This article studies the specifics of the constructivist architecture of Ekaterinburg/Sverdlovsk as an element of the avant-garde legacy. The relationship of the city atmosphere to the phenomenon of the avant-garde is analyzed, revealed to be a unique emanation of the avant-garde idea in the Urals due to the discrepancy of its basic principles and their real implementation. The transformation of the constructivist legacy into a monument to the avant-garde is retrospective and internally complex due to the contradiction between the ideology of the avant-garde, which is directed forward, and the phenomenon of the monument, which is by its nature retrospective and selected.

На архитектурной карте России Екатеринбург выделяется обилием памятников авангарда. Это наследие не такое обширное, как в Москве или Санкт-Петербурге, но оно отличается разнообразием функций сооружений и их количеством. В городе множество типов жилых зданий, принадлежащих к авангардной архитектуре, а также клубов, административных, служебных и медицинских сооружений. Кроме того, в Екатеринбурге конструктивистские здания создают

связную городскую среду. Хотя в последнее время она подвергается разрушению: памятники физически уничтожаются, а в исторических микрорайонах проводится варварская точечная застройка.

Изучая раннесоветскую архитектурную среду Екатеринбурга в разных аспектах, таких как история стиля, социальный опыт, бренд территории, мы столкнулись с проблемными вопросами: как определить характер авангардности среды? В чем специфика отношения идеи авангарда и статуса памятника?

Мы полагаем, что в связи с этим необходимо выявить и описать разные темпоральные регистры «авангардности» и проблему ретроспективной обобщаемости феномена авангарда, неизбежной в процессе превращения его в памятник.

В старом Екатеринбурге и раннем Свердловске практики разных художников и художественных групп, определявших себя как авангардные, существовали недолго, в основном в период Гражданской войны и в первые послевоенные годы. С наступлением НЭПа большинство художников-авангардистов и лиц, как-то связанных с подобной художественной деятельностью, покинули Свердловск.

Позже в художественном музее города Ирбита (Свердловская область) окажется коллекция авангардистской графики, а в музее изобразительного искусства Екатеринбурга сформируется богатая коллекция изобразительного авангарда, которая включает работы Казимира Малевича, Эль Лисицкого, Натальи Гончаровой, Михаила Ларионова, Александра Родченко, Василия Кандинского и других.

Художественные процессы, проходившие на Урале в начале 1920-х годов, являлись составной частью художественной жизни страны. Их самобытность определял комплекс причин: во-первых, мощный потенциал в развитии декоративно-прикладного искусства, сформированный до 1917 года (камнерезное искусство, роспись и чеканка по металлу, чугунное литье, иконопись); во-вторых, отсутствие в это время советского художественного канона и относительная самостоятельность художников от идеологической повестки центра; в-третьих, на Урале работали такие художники, как Д. Бурлюк, А. Лабас, А. Парамонов, Л. Туржанский, С. Эрзя, Ю. Блюменталь, А. Лежнев, М. Елгаштина, Н. Русаков, В. Кузнецов, И. Шадр и другие. Благодаря их творчеству искусство Урала того времени не было провинциальным [Алексеев 2001]. Нацеленность на выполнение послереволюционного плана монументальной пропаганды позволила им в некоторой мере объединить свои усилия, что привело к созданию значительных и разнообразных художественных произведений. Но в дальнейшем разобщенность в интересах и целях, отсутствие единой эстетической платформы и материальной базы сильно снизило их возможности, а установка центра на политизацию изобразительного искусства, усиленно проводимая представителями власти на местах, приводила к крайней консервативности художественной атмосферы Урала. Сам факт того, что основу сохранившейся коллекции составляют работы, которые были «потеряны» или «забыты» в провинции в период отрицания авангарда, затем «открыты» в новых контекстах и наделены статусом значимости, является наглядным примером разрыва исторической преемственности в судьбе авангарда и демонстрирует ретроспективный характер придания ценности этим феноменам.

Так или иначе, к началу массового конструктивистского строительства в Свердловске художественной авангардной активности в городе и регионе практически не было. Конец 1920-х годов оказывается временем уже практически

полного «изживания» авангардных поисков в художественной жизни и утверждения новых сталинистских социально-политических и культурных форм.

Однако в архитектуре скорость «проживания» авангардных поисков оказывается другой. Массовое конструктивистское строительство в стране в целом и в местах его особенной концентрации — Свердловск, Новосибирск, Иваново — осуществляется в условиях, когда авангард в других художественных сферах уже потерял возможности для активной жизни. К 1929 году, времени окончания НЭПа и оформления сталинского режима, художественный авангард в основном «завершился», в архитектуре же, наоборот, годы первой пятилетки — это время наиболее широкого и массового авангардистского (конструктивизм был практически официальным, государственным стилем) строительства и обсуждения урбанистических проектов: домов-коммун, соцгородов и соответствующего преобразования образа жизни советских людей в этих новых городах и домах. В это время в Свердловске создается соцгород Уралмаш, жилкомбинаты для сотрудников ОГПУ-НКВД («Городок чекистов» и Дом чекистов), дома Уралоблсовета и Госпромурала, комплексы жилых, общественных и административных зданий Медгородка и «Городка юстиции», жилые дома Горсовета, Дом печати, Дом связи, стадион «Динамо», гостиницы «Центральная» и «Большой Урал», Дом контор и Дом промышленности. Но уже к 1930 году происходит осуждение так называемых левацких утопических уклонов в проектах строительства домов-коммун, а в 1932 году, после завершения конкурса проектов на строительство Дворца советов, идет сворачивание конструктивистского строительства. Хотя в последующие несколько лет вплоть до 1936 года начатые здания достраиваются, новые проектируются и строятся уже с учетом складывающегося официального подхода к архитектуре.

В результате мы можем наблюдать в Свердловске своеобразную эманацию авангарда. Когда тут, в провинции, в отдалении от основных художественных центров, в условиях отсутствия собственно художественной авангардной среды, происходит массовое строительство авангардных зданий, создается связанное архитектурное пространство. Сложности с созданием этой архитектуры вызваны не только ее стилевыми особенностями, но и отсутствием нужных строительных материалов. Одним из главных отличий авангарда от других архитектурных практик было использование при строительстве железобетона, что расширяло спектр конструктивных приемов и являлось, по мнению многих исследователей, «горячей точкой» дискуссий о формообразовании в архитектуре. В силу разных обстоятельств (прежде всего нехватки цемента — его отправляли на строительство промышленных зданий) на Урале гражданские объекты возводятся из кирпича, часто с использованием камышита и соломи́та. Интересным приемом, также позволяющим экономить, является «архитектурная инклюзия» — здания строились на месте старых домов и усадеб с использованием их фундаментов и стен. В результате многоэтажное здание поглощало старую двухэтажную постройку, включая ее в себя (см.: [Пискунова и др. 2019; Екатеринбург 2015]).

Архитекторы, работавшие в Екатеринбурге, состояли в региональном отделении Объединения современных архитекторов (общественной организации конструктивистов) и опирались в своей работе на рекомендации и публикации конструктивистского журнала «Современная архитектура». В разное время ответственными редакторами этого издания были лидеры конструктивизма М.Я. Гинзбург и А.А. Веснин. При реализации проектов им приходилось ми-

*Ил. 1. Сергей Крылов. Дом-коммуна. Комплекс домов Уралоблсовета.
Архитекторы М. Гинзбург, Л. Пастернак, С. Прохоров. Строительство
1930—1933 годов*

*Ил. 2. Сергей Крылов. Дом-коммуна. Комплекс домов «Госпромурала».
Архитекторы Г. Валенков, Е. Коротков. Строительство 1930—1936 годов*

ряться с нехваткой необходимых строительных материалов, а также с необходимостью приспособлять принципы «новой архитектуры» (плоские крыши, большие окна, открытые балконы) к особым погодным условиям или к техническим требованиям для фундаментов и стен, особенностям их обработки и утеплению, наличию руста, которые не соответствовали классическому конструктивизму.

Таким образом, реализованные архитектурные объекты Свердловска (впрочем, как и большинство построек в стране в тот период), оказались далеки от первоначальной авангардной идеи преобразования всех сторон жизни посредством создания новой городской архитектурной среды и создания условий для взаимодействия этих новых людей друг с другом в домах-коммунах (ил. 1, 2), жилкомбинатах («Городок чекистов»), клубах, промышленных (ил. 3)

*Ил. 3. Сергей Крылов. Водонапорная башня завода УЗТМ г. Свердловск («Белая башня»).
Архитектор М. Рейшер*

и общественных зданиях (ил. 4). К этому необходимо добавить и то, что, во-первых, люди оказались совершенно не готовы к условиям такой «новой, коммунальной жизни» в жилкобинах, а, во-вторых, потребности (количественные и качественные) в новой архитектуре радикально расходились с материальными возможностями для их создания. В итоге реальный архитектурный авангард оказался односторонним, неполноценным, отстающим от цельной идеи чистого авангарда.

Однако такая, возможно негативная, оценка свердловской авангардной архитектуры как неполноценного авангарда и собственно неполноценного конструктивизма не совсем корректна и опирается лишь на его формальное несоответствие исходной идее.

История «признания» конструктивизма состоит из нескольких стадий конструирования истории. Авангардные поиски 1920-х годов, которые были ориентированы на радикальное обновление как всей архитектуры, так и всех сторон жизни, в силу революционности претензий не предполагали бытие конструктивизма как стиля архитектуры или тем более одного из стилей.

*Ил. 4. Сергей Крылов. Здание, фасадные решения здания Облсполкома и Обкома ВКП(б)/КПСС. Архитекторы С.Е. Захаров, А.К. Макаров, И.Ф. Нейман.
Строительство 1930-х годов*

Запрет и осуждение конструктивизма в 1930-е годы создали основание для последующего его «открытия» в конце советской истории активистами и исследователями. На этом этапе авангард превращается в нечто противоположное своей первоначальной идее, а именно в «памятник» и «знаки памяти» исторического опыта.

К началу XXI века в связи с активным освоением широкими городскими слоями представлений о ценности авангарда оно постепенно превращается в возможное основание для поиска и формирования городской идентичности, особенно в случае такого города, как Екатеринбург. В нем, с одной стороны, почти не сохранилась застройка предшествующих исторических периодов, а с другой — конструктивизм создает связную городскую среду¹.

Хотя конструктивистские объекты Екатеринбурга и построены не из железобетона и могут вместо плоских крыш прятать за аттиком односкатную крышу или обладать рустованной гранитной отделкой цоколя (как в случае «Городка чекистов»), что связано в том числе и с приспособлением к конкретным природным условиям Урала, это не уничтожает их художественную выразительность именно как авангардных объектов. Приведенные в данной статье фотографии должны проиллюстрировать художественную выразительность объектов и их соответствие авангардной идеологии, комплексность застройки уральской столицы в 1920-е годы. С другой стороны, даже те объекты, которые как отдельный феномен не обладают столь сильными выразительными качествами, как, например, снесенный ПРОМЭКТ, являются частью городской среды раннесоветской эпохи. Понимание авангардной архитектуры как части городской среды и городской идентичности конструирует ее ценность.

Современная прагматика подобных негативных оценок авангардной архитектуры очевидна, и лежит она в поле борьбы за статус, за строительные рынки и реновацию городских пространств. Еще в начале XXI века бывший мэр Екатеринбурга Аркадий Чернецкий называл конструктивизм «архитектурой для бедных», подразумевая порочность самих конструктивистских идей и необходимость замены зданий в этом стиле новой, современной архитектурой. Эта же практика негативной оценки авангардной архитектуры применяется и в настоящее время для экспертных обоснований сноса конструктивистских объектов, в частности здания ПРОМЭКТа в декабре 2020 года. Тогда в заключении было написано, что строение не является строго конструктивистским. Схожее мнение другие эксперты озвучивали журналистам:

Этот дом не обладает яркими признаками конструктивизма — видимо, поэтому его и не отнесли к объектам культурного наследия, — считает заведующий кафедрой истории искусств и реставрации Уральской архитектурной академии Михаил Голобородский. — Например, должны быть горизонтальное членения, большие окна. Это здание раннего периода, пережиток старой классической архитектуры, оно стилистически не созрелее [Порошина и др. 2021].

Подобная экспертиза открывает возможность для сноса практически любого здания в Екатеринбурге, так как все они не совсем конструктивистские, если смотреть с позиции соответствия чистой идее. И это позволило бы по-настоя-

1 См., например, активистские проекты, связанные с превращением идеи авангардного наследия Екатеринбурга в основания городской идентичности: <https://avantgarde-territory.com>.

щему «зачистить» город. Сама идея оценки авангарда, исходящей из позиции соответствия его некому полноценному, правильному идеалу, деструктивна и уничтожает практики авангарда как таковые.

Авангардные поиски по сути своего определения ориентированы вперед, в будущее. Современная тенденция превратить авангард в историческое прошлое, то есть создать из стремления в будущее памятник — это радикальная трансформация идеи авангарда, изменение его места в линии времени.

Превращение авангарда в памятник происходит ретроспективно, с помощью построения нарратива о его величии и значимости. Конструктивистское наследие наделяется ценностью, но эта ценность уже свершившегося, запечатленного в опыте проектирования, в самих зданиях, в опыте их освоения и обживания.

В результате авангард — по своей сути темпоральное явление, стремящееся в будущее и предполагающее тотальное преобразование жизни и всей окружающей действительности, — оказывается не тотальным феноменом, а «одним из»: одной из форм архитектуры, творчества, художественного стиля, сосуществующих с другими.

Конструктивистская архитектура — это сфера опыта. Опыта жизни, который связывает творческие поиски и планы с практикой, взаимодействие творца и материи. Опыта насилия и травмы одновременно с творчеством, впечатанных в ткань городской среды.

*Ил. 5. Сергей Крылов.
Гостиница «Исеть».
«Городок чекистов».
Архитекторы И. Антонов, В. Соколов, А. Тумбасов, А. Стельмашук.
Строительство
1929—1936 годов*

Показательно, что ярким памятником конструктивистской архитектуры, оказавшим огромное влияние на формирование облика города, является «Городок чекистов» (архитекторы И. Антонов, В. Соколов, А. Тумбасов и А. Стельмашук). Его корпуса обладают выразительными особенностями, притягивают к себе внимание фотографов, художников, кинематографистов, архитекторов и просто туристов и жителей города. Он также знаменит отдельными фасадными элементами и архитектурными решениями, планировкой квартир, примечательной и очень яркой городской доминантой — гостиницей «Исеть» (первоначально это место жительства одиноких и холостяков в структуре жилкомбината НКВД; *ил. 5, 6*), а также лестницей клуба им. Дзержинского (ныне здание краеведческого музея; *ил. 7*).

Кроме общей архитектурной выразительности и уникальных творческих решений «Городок чекистов» связан со множеством мифов и легенд, отражаю-

Ил. 6. Сергей Крылов. Внутренние фасадные решения гостиницы «Исеть». «Городок чекистов». Архитекторы И. Антонов, В. Соколов, А. Тумбасов, А. Стельмацук. Строительство 1929—1936 годов

Ил. 7. Сергей Крылов. Лестница клуба им. Ф.Э. Дзержинского. «Городок чекистов». Архитекторы И. Антонов, В. Соколов, А. Тумбасов, А. Стельмацук. Строительство 1929—1936 годов

щих как особенности его необычного вида и планировки, так и специфику драматичной, трагической и травматичной советской истории. В 1934 году Иван Антонов, основной архитектор «Городка чекистов», остался жив только благодаря поспешному отъезду в Финляндию, гражданином которой он, выходец из Выборга, являлся. Антонов спасся от неминуемых репрессий со стороны тех самых чекистов, для которых и проектировал «Городок». В этом сюжете особенно наглядна амбивалентность связей творческого и травматического, понижающих всю историю авангарда.

Екатеринбург/Свердловск — это узел, концентрация архитектурного опыта, воплотившего творческое начало авангарда.

Екатеринбург, осваивая свое конструктивистское наследство, создает нарратив городской идентичности в конкуренции и взаимодействии с другими мифами и нарративами (убийство царской семьи, Ельцин, горнозаводская цивилизация). На наш взгляд, лучшим поэтическим предвидением описанных процессов является стихотворение Владимира Маяковского 1928 года:

<...>

Из снегового, слепящего лоска,
из перепутанных
сучьев
и хвои —
встает
внезапно
домами Свердловска
новый город:
работник и воин...

<...>

У этого
города
нету традиций,
бульвара,
дворца,
фонтана и неги.
у нас
на глазах
городище родится
из воли
Урала,
труда и энергии!

[Маяковский 1958: 22]

Библиография / References

- [Алексеев 2001] — *Алексеев Е.П.* Художественная жизнь и развитие изобразительного искусства Урала 1920-х годов: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2001.
(*Alekseev E.P.* Khudozhestvennaya zhizn' i razvitiye izobrazitel'nogo iskusstva Urala 1920-h godov: PhD thesis. Moscow, 2001.)
- [Екатеринбург 2015] — Екатеринбург. Архитектурный путеводитель. 1920—1940 / Сост. Э. Кубенский, А. Елизарьева. Екатеринбург: Татлин, 2015.
(Ekaterinburg. Arkhitekturnyy putevoditel'. 1920—1940 / Comp. by E. Kubenskiy, A. Yelizar'yeva. Ekaterinburg, 2015.)
- [Маяковский 1958] — *Маяковский В.В.* Екатеринбург — Свердловск («Из снегового слепящего лоска...») // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 9 / Ред. В. Дувакин. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 19—22.
(*Mayakovskiy V.V.* Ekaterinburg — Sverdlovsk ("Iz snegovogo slepyashchego loska...") // Mayakovskiy V.V. Polnoe sobranie sochine-niy: In 13 vols. Vol. 9 / Ed. by V. Duvakin. Moscow, 1958. P. 19—22.)
- [Пискунова и др. 2019] — *Пискунова Л., Старостова Л., Янков И., Сучков Н.* Конструктивистские городки Свердловска. 1920—1930-е гг. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019.
(*Piskunova L., Starostova L., Yankov I. Suchkov N.* Konstruktivistskie gorodki Sverlovsk. 1920—1930-e gg. Moscow; Ekaterinburg, 2019.)
- [Порошина и др. 2021] — *Порошина Е., Шамро Ю., Чернобривцева А.* «Без ярких признаков конструктивизма»: почему здание ПРОМЭКТа не стало памятником? (<https://www.oblgazeta.ru/economics/realty/119039/> (дата обращения: 15.12.2021)).
(*Poroshina E., Shamro Yu., Chernobrivtseva A.* "Bez yarkikh priznakov konstruktivizma": pochemu zdanie PROMEKTa ne stalo pamyatnikom? (<https://www.oblgazeta.ru/economics/realty/119039/> (accessed: 15.12.2021)).